

Инцидент в Тяньцзине: «дальневосточный Мюнхен»

К. О. Саркисов

Аннотация. В начале апреля 1939 г на территории британской концессии в Северном Китае, в оккупированном японской армией Тяньцзине, после покушения на инспектора таможни, сотрудничавшего с оккупантами, резко обострились и без того напряженные отношения Токио с Лондоном. Взбешенная отказом властей концессии выдать покушавшихся, Квантунская армия, давно действовавшая по своему усмотрению в Китае, блокировала концессию и намеревалась закрыть ее. Инцидент стал предлогом для попытки Японии ограничить суверенитет западных концессий по всей территории Китая. Здесь находили убежище члены организаций Антияпонского сопротивления, а в случае Тяньцзиня — и национальная валюта довоенного Китая в сейфах иностранных банков.

Англичане не могли противиться силовому и психологическому давлению. Японский флот к тому времени, мощный и многочисленный, не позволял рассчитывать на успех малыми силами. А надвигающаяся война в Европе, откровенные и зловещие угрозы Германии исключали возможность передислокации на Дальний Восток более крупных сил.

Чемберлен колебался, опасаясь быть обвиненным в повторении мюнхенского сговора на Дальнем Востоке, но в конечном счете санкционировал действия посла в Токио, настроенного на умиротворение японцев для сохранения концессии. Компромиссная, а на самом деле пораженческая формула урегулирования конфликта включала признание «силы обстоятельств» в Китае, которые оправдывали право японской армии действовать в целях обеспечения собственной безопасности. Исходя из этого, Лондон признавал недопустимыми действия, наносящие вред японской армии и выгодные ее противникам.

Речь шла не только о тяньцзиньской концессии и территории вокруг нее, а о Китае в целом. «Предательство» в отношении Чан Кайши и его сопротивления японской армии было очевидным. Переговоры по Тяньцзиню

испытывали сильное влияние событий в Европе, где угрозы Германии в адрес Польши становились все более неприкрытыми. Прямое отношение имели и буксовавшие в Москве англо-франко-советские переговоры по поводу политического, а возможно и военного, союза трех стран. Ощущалось и незримое присутствие в зале переговоров в японском МИДе событий на границе Монголии и Маньчжурии (Халхин-Гол).

Но самое сильное влияние на переговоры оказала внезапная денонсация Вашингтоном в конце июля 1939 г. договора о торговле и мореплавании с Японией. Приободренный этим неожиданным ходом американской дипломатии, английский посол перестал быть уступчивым, что привело к длительному застою в токийских переговорах. Очередной удар по японским планам организации «дальневосточного Мюнхена» был нанесен уже «вероломством» ее союзницы — Германии. Советско-германский пакт о ненападении и последовавшее вскоре разгромное поражение на Халхин-Голе — последние жирные штрихи картины Тяньцзиньского инцидента, органично вписавшегося в ткань мировой политики за несколько дней до начала Второй мировой войны.

Ключевые слова: концессии в Китае, таможня Тяньцзиня, независимое поведение Квантунской армии, англо-франко-советские переговоры, «предательство» Германии, японо-американский Договор о торговле и мореплавании.

Автор: *Саркисов Константин Оганесович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12;

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6398-0785

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Tianjin Incident: The “Far Eastern Munich”

K. O. Sarkisov

Abstract. In early April 1939, in the territory of the British concession in Tianjin, in North China occupied by the Japanese army, an assassination of a customs inspector, who had collaborated with the invaders, brought already apprehensive relations between Tokyo and London to an unprecedented level

of hostility. The Japanese military were enraged by the British authorities' refusal to surrender the assassins. Often operating at its own discretion in China, the Kwantung Army blocked the concession with a clear intention to shut it down. The incident became a pretext for an effort to restrain the extraterritorial rights of Western countries throughout China. The members of the anti-Japanese resistance used foreign concessions in China as a refuge, and, in the case of Tianjin, to keep the pre-war China national currency in foreign banks.

The British could hardly resist the psychological pressure since the Japanese Navy, by that time well-equipped, modern, and numerous, was powerful enough to make it impossible to hope for a successful operation with a small force. Under the blunt and ominous threats from Berlin and the impending war in Europe, London could not dare to redeploy larger forces to the Far East.

Chamberlain hesitated in making a decision, not risking to be accused of repeating the Munich agreement, but ultimately sanctioned the actions of the British ambassador to Tokyo, who was strongly determined to appease the Japanese in order to preserve the concession rights. His "compromise" for resolving the conflict was in fact a defeatist formula. It included the recognition of the "force of circumstances" in China, which justified the right of the Japanese military to act in order to ensure its own security. London recognized as improper any actions harmful to the Japanese military and beneficial to its opponents. It was related not only to the Tianjin concession and to the territory around it, but to China as a whole. This formula looked like a "betrayal" of Chiang Kai-shek, defying his resistance to the Japanese.

The Tianjin talks were heavily influenced by events in Europe, where Germany's threats against Poland became increasingly overt, as well as by the stalled Anglo-French-Soviet talks in Moscow over a possible alliance against fascist states. The Soviet-Japanese armed clashes on the border of Mongolia and Manchuria (Nomonhan) were relevant too.

At the end of July 1939, Washington's sudden denunciation of the Treaty of Commerce and Navigation with Japan, signed more than 25 years prior, encouraged the British delegate and led to a stalemate in the Tokyo negotiations until the next blow to the Japanese plans to repeat "Munich" in the Far East — a "betrayal" by its ally, Germany. The Soviet-German non-aggression pact and the devastating defeat of Japan at Nomonhan added the final powerful touches to the picture of the Tianjin Incident, fitting into the canvas of world politics a few days before the start of the Second World War.

Keywords: concessions in China, Tianjin Customs, the Kwantung Army's independent behavior, Anglo-French-Soviet negotiations, Germany's "betrayal", Japanese-American Treaty of Commerce and Navigation.

Author: *Sarkisov Konstantin O.*, PhD (History), Leading researcher, Institute of Oriental Studies of RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12
ORCID: 0000-0002-6398-0785
E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Данный инцидент своими корнями уходит в Новую и Новейшую историю Дальнего Востока — в экспансию западных держав в Китай и японо-китайскую войну 1930-х гг. В системе пространственно-временных координат истории случившегося они составляют «временную» ось или ее вертикаль, а сам инцидент органично и синхронно связан с событиями того периода.

Европа переживала драматический момент кануна Второй мировой войны. Агрессивность нацистской Германии оставляла мало надежд, что можно будет избежать нового столкновения. Географическое положение Советского Союза, его дальневосточных территорий определяло его прямую связь с происходившим в Восточной Азии. В Москве проходили англо-франко-советские переговоры о заключении политического и военного оборонного союза против стран оси. Переговоры буксовали, и в советской внешней политике наметился резкий крен в пользу соглашения с Германией. После 9 лет в отставку был отправлен наркоминдел Максим Литвинов, автор утвержденной самим Сталиным концепции сотрудничества с Великобританией и Францией — представительниц блока «неагрессивных стран»¹.

В азиатской части на монголо-маньчжурской границе в районе реки Халха и озера Буир-Нур спорадически вспыхивали пограничные столкновения, которые в конечном счете переросли в локальную войну между Квантунской армией Японии и Красной армией. Непосредственно в Китае произошло спровоцированное инцидентом в Тяньцзине, но давно назревавшее обострение японо-американских отношений. Вашингтон неожиданно денонсировал договор о торговле и мореплавании с Японией, что поставило под угрозу ее импорт стратегически важных товаров и экспорт, необходимый для пополнения валютных резервов бюджета, все более ориентированного на войну.

¹ Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 209–211.

Каждому из упомянутых событий в отдельности посвящена большая литература. Данная статья претендует на определенную новизну в связи с использованием недавно открытых или недостаточно известных архивных документов, а также публикаций в периодике тех лет, быстрота и полнота доступа к которым стали возможными в цифровом веке.

Повод к конфликту

В разгар японской агрессии в Китае, 9 апреля 1939 г. на территории британской концессии в Тяньцзине в одном из местных кинотеатров брошенной бомбой был убит инспектор Тяньцзиньский морской таможни некто Чэн Сигэн [Bloch, Angoff 1940, p. 131]. Убийство чиновника во время массового публичного зрелища в духе покушений на Линкольна или Столыпина, в отличие от тех, не вызвало бы большого резонанса, если не реакция его покровителей — японцев. На требование выдать подозреваемых власти концессии в конечном счете ответили отказом [Watt 1989, p. 351–354], и в японо-английских отношениях возник острый кризис. Британский кабинет министров, обычно прислушивавшийся к мнению своих послов, был в растерянности. Посол в Чунцине Арчибальд Кларк-Керр призывал ни за что не поддаваться давлению: жена Чан Кайши Мэйлин открылась ему, что покушавшимися были оперативники гоминьдановской спецслужбы — Бюро расследований и статистики (國民政府軍事委員會調查統計局). Она просила не выдавать их на верную смерть [Watt 1989, p. 353–354]. Посол же в Токио Роберт Крейги был настроен в пользу максимальных уступок японцам лишь бы сохранить концессию. Чемберлен все еще во главе кабинета министров и сам сторонник политики умиротворения с клеймом позора за Мюнхенский сговор, отдавал предпочтение Крейги.

Тем временем японские военные, определявшие в Китае не только стратегическую, но и общую политику, усиливали давление и грозили блокадой концессии. Британская концессия в Тяньцзине для них была бельмом на глазу — убежищем не только для враждебных элементов Антияпонского сопротивления, но и для «враждебных денег». 50 млн китайских или по обменному курсу 6 млн американских долларов в серебряных монетах хранились в сейфах

иностранных банков на территории концессии². Сумма не слишком большая для огромной страны, но достаточная, чтобы мешать фискальной и экономической реформе, с успехом которой японцы связывали надежды на укрепление прояпонских марионеточных сил в Китае. Японские власти хотели получить контроль над этими деньгами или в крайнем случае «нейтрализовать» — передать «на хранение» в валютный банк в Иокогама (Yokohama specie bank).

Предварительные контакты между сторонами в Тяньцзине не принесли результатов, и в 6 часов утра 14 июня 1939 г. у входа в концессию японцы установили патрульные посты. Началась блокада. Чтобы пройти через контрольный пункт люди часами стояли под палящим солнцем, которое в это лето, как назло, выдалось особенно жарким. В концессии очень скоро стала ощущаться нехватка продуктов, молока для детей и др. Зарубежная пресса публиковала репортажи о расстреле китайцев, пытавшихся продавать товары через ограду, унижениях тех, кого подвергали тщательному осмотру, заставляя подчас раздеваться догола на виду у прохожих.

Германская и итальянская пресса, напротив, ликовала. Муссолини злорадствовал: «Прошли времена, когда стоило кому-нибудь сбить шляпу с головы англичанина, как на его защиту тут же появлялся британский военный корабль!»³. Теперь же, охранявшие границы концессии подразделения Даремской легкой пехоты, как и канонерка «Лоустофт» на реке Хайхэ у пристани в районе Британского «Банда» (British Bund), вряд ли могли бы что-то сделать в случае применения японцами силы.

Времена, действительно, были другие. На заседании британского кабинета министров 26 апреля 1939 г. представители Адмиралтейства с трудом соглашались на перевод в Сингапур, т.е. поближе к очагу конфликта, одного из линкоров эскадры в Северном море и еще трех кораблей из Средиземного моря.

Лорды Адмиралтейства заявляли, что этого крайне недостаточно, чтобы противостоять японскому флоту, а поражение обрушит престиж английского флота, и общественное мнение в Англии «потребует что-то сделать, в то время как сделать ничего нельзя»⁴.

² New York Times, June 17, 1939, p. 2 L+.

³ New York Times, June 18, 1939, p. L+ 25.

⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV, p. 205.

Были и попытки увидеть в японских действиях нечто большее, чем удовольствие от издевательств над некогда могучей и на глазах дряхлеющей колониальной державой: «Причина, несомненно, в том, чтобы затормозить ее движение к союзу с Москвой и повлиять на англо-франко-советские переговоры в Москве», — писали в газетах. Одним из раздражителей могло быть требование Москвы о безоговорочной поддержке ее в случае конфликта с Японией⁵.

В Токио правительство пыталось сдерживать своих военных: унижение бывшего союзника могло подтолкнуть его к союзу с Москвой⁶. В последний момент было отменено торжественное шествие около 50 тыс. японцев, включая 2 тыс. резервистов, на расположенное в концессии кладбище японских солдат, погибших во время подавления восстания ихэтуаней в 1900 г.⁷

Тяньцзиньский инцидент, Халхин-Гол и британская политика умиротворения

Советский посол Иван Майский телеграфировал в Москву из Лондона, что события на Дальнем Востоке тесно связаны с происходившим в тот момент в Европе. На даче у газетного магната и политика барона Бивербрука помимо того, что война неизбежна и Германия усиленно готовится к ней, Риббентропу удалось убедить фюрера, что Англия и Франция не решатся на войну, а из англо-советских переговоров ничего не выйдет, он услышал нечто необычное: «Тяньцзиньская блокада — это дело рук немцев. Они хотят прощупать настроение англичан через Дальний Восток». Майский добавлял от себя: «Риббентроп отсюда делает вывод: англичане не способны к серьезному сопротивлению — куй железо, пока горячо!»⁸. Если целью немцев было убедиться в слабости духа соперника, то они ее достигли. Поведение англичан в Тяньцзиньском инциденте внушило даже итальянцам впечатление, что, «несмотря на британские угрозы... Англия не станет воевать в 1939 г.» [Weinberg 2010, p. 740].

Лондон, как и в Мюнхене, был готов пойти на максимальные уступки японцам. Это было очевидно уже из первого проекта согла-

⁵ New York Times, June 18, 1939, p. 25 L+.

⁶ «Асахи симбун», 19 июня 1939 г., с. 3.

⁷ Times, June 17, 1939, p. 12.

⁸ Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 505.

шения, предложенного английским послом в Токио Робертом Крейги. Англичане обещали «в рамках соблюдения нейтралитета принять все возможные меры по недопущению использования концессии в целях, которые могут наносить ущерб военным и политическим интересам страны, оккупировавшей данную территорию»⁹. Он же предлагал как можно скорее провести встречу в Токио, с участием представителей Британского генконсульства и японских властей в Тяньцзине.

Ознакомившись бегло с британским проектом на встрече 20 июня, министр иностранных дел Японии Арита Хатиноэ остался довольным, но выразил сомнение, что японские военные, которые жаждали решить вопрос на месте, согласятся ехать в Токио, где правительство могло быть более уступчивым. Но в конечном счете их удалось убедить, а английский посол 26 июня получил санкцию Лондона на проведение переговоров на предложенных им условиях.

О своих шагах Крейги предусмотрительно ставил в известность американское посольство, где его намерения воспринимались с большой долей настороженности. В телеграмме госсекретарю Халлу, врио американского посла в Японии Юджин Думан не скрывал своего крайнего удивления уступчивостью англичан. Он видел в этом не только слабость, но и умысел — спровоцировать Вашингтон на вмешательство в случае, если японские требования станут чрезмерными¹⁰.

Была поставлена в известность и Франция. В разговоре с американским послом представитель французского МИД Жан Шовель говорил, что инструкции британского правительства предоставляли Крейги большую свободу действий, что было опасно, учитывая склонность того к максимальным уступкам японцам¹¹.

«Еще один Мюнхен» и расширение сферы переговоров на весь Китай

Реакция Парижа Крейги не волновала, а перед Думаном он оправдывался: если переговоры не приведут к компромиссу, японцы могут решиться на оккупацию концессии. С учетом ситуации в Европе, здесь на Дальнем Востоке Лондон не в состоянии препятствовать им, говорил он Думану. И не без умысла добавлял: Лондон волнуется,

⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV p. 195.

¹⁰ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939 Vol. IV, p. 201, 202.

¹¹ New York Times, July 9, 1939, p. 5 E+.

что в случае необходимости пойти на компромисс Вашингтон воспримет это как «еще одно Мюнхенское соглашение», что негативно скажется и на отношении американцев к политике Англии в Европе. Думан писал Халлу: «За то, что они позволили японцам довести дело до крайнего состояния, англичане должны «благодарить» сами себя. Сейчас они в тяжелом положении и до их сознания наконец дошло то, чего они раньше не понимали. Нужно либо рискнуть и бросить японцам перчатку, либо пожертвовать добрым отношением к себе Соединенных Штатов. Я думаю, англичане попытаются найти нечто среднее — уступить японцам, но ровно настолько, чтобы избежать в свой адрес открытых обвинений в очередной политике «умиротворения»¹².

Ассоциация с Мюнхеном напрашивалась, и об этом заговорил советский полпред Константин Уманский на встрече с Рузвельтом 2 июля 1939 г. Он интересовался, не следует ли ожидать в Тяньцзине повторения Мюнхена. Президент отвечал, что «опасается чрезмерных уступок англичан, ожидает в ближайшие недели аналогичных событий в Шанхае, но вынужден считаться со связанностью английских морских сил и считает, что возмездие неизбежно, английский народ просыпается»¹³. Рузвельт не сказал, что к этому моменту уже принял решение дать понять Японии, что США — это не Британия и что они не намерены уступать свои права в Китае.

1 июля Думан получил из Вашингтона проект ноты в адрес Японии. Речь шла о Тяньцзине, но в самом начале упоминался инцидент, произошедший месяцем ранее в порту Амой (совр. Сямынь) на берегу Тайваньского пролива. В международном селтльменте города — на островке, ныне курорте Кулансу, 11 мая 1939 г. Япония высадила десант из 150 моряков, грубо нарушив суверенитет концессии. На всех пристанях были расставлены посты и начались аресты неугодных лиц. Упомянув об этом, США подчеркивали озабоченность не столько самим Тяньцзиньским инцидентом, сколько тем, что ограничительные и силовые меры японской армии затрагивали всю оккупированную им часть Китая, в том числе и ту, где сильны были американские интересы. «Нарушение принципа равенства прав и возможностей всех стран в Китае невольно вызывает подозрения, — говорилось в нем. — Не пытается ли Япония настаивать на своем

¹² Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV, p. 208.

¹³ Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 524.

праве доминировать в большей части Азии, претендовать на монополию в получении выгод и преимуществ, игнорируя сложившуюся систему договоров и международного права, которым Япония обязалась следовать? ... Не собирается ли Япония сделать так, чтобы только по ее милости американские товары и корабли могли прибывать в Китай и китайские воды?!»¹⁴. Резкость и прямота выражений в ноте никак не сочетались с подчеркнuto вежливым тоном и отсутствием прямых угроз.

Токио старался не замечать перемен в позиции американцев. 7 июля 1939 г. на пресс-конференции по поводу другой годовщины — двух лет с начала войны в Китае («инцидент у моста Марко Поло») — премьер-министр Хиранума Киитиро помимо прочего отмечал, что отношение США к Японии улучшается. Что же касается англичан, то им в эти «юбилейные» дни досталось больше всего.

Правительственные круги Японии заявляли, что война в Китае затянулась не из-за сопротивления китайцев, а благодаря вмешательству третьих стран. Показательно, что под ними имелась в виду Англия, а не Советский Союз: «Военный министр генерал-лейтенант Сэйсиро Итагаки благоволит к молодым офицерам, которые считают Британию основным врагом на пути Японии. ... Наш враг сейчас не только правительство Чан Кайши, продолжающее оказывать нам сопротивление. Оно действует вместе с третьими державами, у которых свои виды в Восточной Азии. Чтобы покончить с Чан Кайши эти третьи державы должны быть сокрушены. В этом единственный путь к окончанию войны»¹⁵.

Почувствовав слабину в английской позиции, японская сторона на переговорах в Токио ставила теперь вопрос не только о Тяньцзине, но и о Китае в целом, а инцидент в концессии стал лишь предлогом [Furuu 1981, p. 638]. Военное министерство Японии выступило с заявлением о том, что на совещании должен обсуждаться не только вопрос о наведении порядка в концессии, но и в целом в политике Англии в отношении Китая. В нем подчеркивалось, что враждебное отношение к Японии британских властей в Тяньцзине — проявление политики помощи Чан Кайши (援蒋), и пока Британия не изменит ее, встреча не будет иметь большого смысла.

¹⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. IV, p. 213–215.

¹⁵ New York Times, July 9, 1939, p. 5 E+.

Крейги, напротив, старался произвести впечатление, что разногласия сторон не носят принципиального характера. В посольском кабинете трехэтажного здания с двухэтажными флигелями с видом на императорский дворец, всего в 800 мерах от массивного здания Военного министерства, он убеждал журналиста: «60 процентов разногласий связаны с недопониманием, и если они будут устранены, то встреча будет успешной»¹⁶.

Новые события в Европе, начало переговоров и антибританские демонстрации

В начале июля 1939 г., когда должна была начаться японо-британская встреча по Тяньцзиню, в Европе угрозы Германии в адрес Польши становились все более зловещими. 5 июля 1939 г. на международном экспрессе в сторону порта Цуруга и далее во Владивосток неожиданно покинул Токио исполнявший обязанности советского полпреда Константин Сметанин. Советский Союз в японской столице стал представлять второй секретарь полпредства Николай Генералов. После отъезда в июне 1938 г. полпреда Михаила Славуцкого уровень советского представительства снизился до советника, а теперь и до второго секретаря. Японская газета успокаивала читателей, что это связано с нехваткой дипломатических кадров после компании чистки¹⁷. На самом деле за отъездом Сметанина могла померещиться более важная причина. В этот момент в Европе происходили события, которые радикально влияли на дальневосточную ситуацию.

В день отъезда Сметанина в Москву в дом на углу Кузнецкого моста и Лубянки среди многих поступила телеграмма от советского полпредства в Эстонии, в которой как злостная клевета цитировалась заметка в одной из местных газет о «намерении СССР провести вместе с Германией раздел Польши»¹⁸. Слухи о советско-германских контактах появлялись на фоне продолжавшихся в советской столице безрезультатных переговоров между Англией, Францией и Советским Союзом.

Вероятность успеха трехсторонних англо-франко-советских переговоров в Москве была невысокой, но если бы это случилось, союз

¹⁶ New York Times, July 4, 1939, p. 8 L+.

¹⁷ Асахи симбун, 6 июля 1939, с. 2.

¹⁸ Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 529.

с Россией повышал политическое влияние Британии на Дальнем Востоке в той же степени как и в Европе¹⁹. Лондон не рассчитывал на это или, скорее, не хотел, и здесь царило уныние. «Галифакс считает, что в скором времени они [англичане] должны начать уходить из Тяньцзиня»²⁰. Но теперь Токио хотел большего — отказа от поддержки Чан Кайши, признания преобладающего положения Японии в Китае и даже поддержки в установлении здесь «нового порядка».

Утром 15 июля, когда вечером того же дня, спасаясь от жары, английский посол вместе с женой уехал в свою загородную виллу в Хаяма, где соседствовал с императором, начались японо-британские переговоры. В них участвовали только двое — Арита и Крейги. Первый солировал. Он излагал общие принципы, на которых предлагалось урегулировать конфликт. Крейги задавал только уточняющие вопросы, чтобы максимально четко и подробно передать их в телеграмме в Лондон.

Невзирая на жару, в этот же день в Токио и по всей стране прошли организованные сверху массовые демонстрации с громкими антибританскими лозунгами. Публиковались петиции в поддержку японской делегации, принятые муниципалитетами многих городов страны. Даже в небольшом городке Оцу на берегу озера Бива, знакомом по истории российско-японских отношений, после митинга в марше с антибританскими плакатами приняло участие около 10 тыс. человек. Митинги состоялись и в китайских городах, оккупированных японцами. На внешнем рейде военно-морской базы Ёкосука прошла демонстрация силы — смотр императором на флагмане линкора «Нагато» учений японского флота.

Намеченная на 17 июля вторая встреча Арита с Крейги была перенесена на 19 июля. Крейги еще не получил ответ из Лондона на вопросы, поставленные японской стороной на первой встрече. Японская пресса посчитала это хорошим признаком. Лондон не отверг с порога главное предложение о сотрудничестве в установлении Нового порядка в Восточной Азии, хотя в тот же день 17 июля в палате общин Чемберлен заявил, что «по требованию другой страны» Англия «не станет», и уточнял — «не может» менять свою политику на Дальнем Востоке.

¹⁹ The Spectator, July 14, 1939, p. 37.

²⁰ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. I, p. 282.

Автор «Мюнхена» не решался повторить то же самое в Тяньцзине, но ему не верили. В частности, американские газеты, отмечая сходство между двумя «Мюнхенами», европейским и дальневосточным, предупреждали о существенной разнице. «В Мюнхене американское правительство присутствовало как наблюдатель, заинтересованный главным образом в сохранении мира. В данном же случае американское правительство уже заявило Японии, что у США есть прямые, и при том, весьма серьезные интересы в Китае. Американские газеты писали: «Разыгрывая «новый Мюнхен», японское правительство рискует впасть в заблуждение, если решит проигнорировать это предупреждение»²¹.

Подтверждением угрозы стало инициирование в конгрессе США законопроекта об аннулировании американо-японского соглашения почти тридцатилетней давности — договора о торговле и мореплавании от 21 февраля 1911 г. В случае его отмены зависящая от американского рынка Япония лишалась статуса наиболее благоприятствуемой страны, что резко повышало торговые пошлины и могло стать началом более серьезных противоречий.

Японское давление на британскую делегацию и реакция Вашингтона: отмена торгового договора 1911 г.

На тот момент Рузвельт старался избежать конфронтации с Японией и не допустил принятия законодательной инициативы. Обострения отношений не хотели и в Токио. Ситуация в Европе оставалась неопределенной, а на границе Маньчжоу-Го и Внешней Монголии периодически происходили пограничные столкновения, не обычные, а с участием авиации и танков. Вторая по счету встреча Арита и Крейги не принесла результатов и была оценена газетами как «топтанье на месте»²².

На третьем раунде переговоров 21 июля японская делегация перешла в атаку. Под ее натиском англичане окончательно дрогнули и пошли на уступки. Была согласована формула двусторонних отношений в Китае, на основе которой должны были решаться конкретные вопросы в Тяньцзине, и в других английских концессиях: «Британ-

²¹ New York Times, July 18, 1939, p. 18 L+.

²² Асахи симбун, 21 июля 1939 г. веч. выпуск. с. 1.

ское правительство признает обстоятельства, преобладающие ныне в Китае, где разворачиваются крупномасштабные военные действия; и поскольку эти обстоятельства имеют доминирующий характер, оно признает, что японская армия имеет особые права с точки зрения обеспечения своей безопасности и поддержания мира и порядка, а также учитывает необходимость недопущения действий, наносящих вред японской армии и в той же мере выгодных ее противникам. Британское правительство будет воздерживаться от всех действий и мероприятий, препятствующих выполнению упомянутых целей японской армии и сделает так, чтобы эта ее политика была известна британским властям и гражданам в Китае»²³.

Теперь японцы могли заявить на весь мир, что Англия уже не поддерживает Чан Кайши²⁴. Форин Офис оправдывался, мол, о всех своих шагах на переговорах он ставил в известность Париж и Вашингтон. Меньше волновала реакция в Чунцине, где новости из Токио воспринимались с нескрываемой тревогой. И хотя на серьезную помощь Лондона здесь уже давно никто не надеялся, психологический эффект от «английского вероломства» был сильным. Обещание англичан «не допускать действий, ставящих под угрозу японскую армию и препятствующих ее усилиям по поддержанию мира и порядка» действовало угнетающе²⁵.

В Чунцине отказывались верить в предательство со стороны Англии, считая это немыслимым. Зато пресса Италии и Германии возвещала об историческом поражении Лондона, а японские газеты на первых страницах цитировали эти публикации под броскими заголовками типа «Конец эры Британской мировой политики».

Газеты добавляли масла в огонь, раздувая противоречия сторон на переговорах в Москве. «Многие усматривают в поражеческой позиции маневр британских консерваторов, действуя не напрямую, а косвенно, нанести удар по переговорам в Москве, сея семена недоверия в сердцах русских»²⁶.

Правым консерваторам на Даунинг-стрит доставалось и от собственной консервативной прессы. Расплывчатой и озадачивающей называл формулу решения инцидента в Тяньцзине еженедельник

²³ New York Times, July 23, 1939, p. 1.

²⁴ New York Times, July 22, 1939, p. 1, 2.

²⁵ New York Times, July 23, 1939, p. 21 L+.

²⁶ Асахи симбун, 27 июля 1939 г. веч. выпуск.

«Спектейтор»: «Если это приведет даже к незначительному ужесточению британской политики в отношении Китая, отказу ему в кредитах, ограничению поставок по Бирманской дороге, то это будет настолько плохо, что лучше открыто не выполнять взятые на себя обязательства. Кабинет, согласившийся молча с такой интерпретацией соглашения, будет повинен в унижительном предательстве»²⁷.

На следующий день, 23 июля, японская делегация, ободренная легкостью, с какой англичане согласились на «общие принципы», выдвинула несколько жестких требований по конкретным вопросам: передачу четырех подозреваемых в убийстве китайцев; введение в концессии строго контроля над всеми антияпонскими и коммунистическими «элементами»; сотрудничество с прояпонским временным правительством в Пекине по пресечению хождения гоминьдановской валюты; согласие на передачу ему резервов в серебряных монетах в банках концессии, а также содействие в проверке работы этих банков и валютных брокеров²⁸.

Но в этот момент, видимо, чтобы не допустить полного коллапса Англии на токийских переговорах, Рузвельт сделал шаг, на который не решался ранее. 26 июля госсекретарь США Халл направил в адрес японского посла в Вашингтоне ноту о намерении прекратить действие двустороннего Договора о торговле и мореплавании 1911 г. В ответной ноте МИД Японии старался придерживаться дипломатического этикета, но раздражение, обида и даже злость чувствовались в каждой фразе, а последние слова звучали высокомерно: «В случае, если американское правительство пожелает заключить с Японией новый договор, который соответствует нынешней обстановке в Восточной Азии, японское правительство, разумеется, будет приветствовать это»²⁹.

Самоуверенная интонация была наигранной. Зависимость Японии от торговли с США была односторонней и большой. С начала 1930-х гг., после захвата Маньчжурии, японская экономика все заметнее переходила на военные рельсы и во многом зависела от импорта сырья и материалов. При этом значительная доля приходилась на американский рынок. Он же был источником валютной выручки для оплаты импорта. Многие и в европейских столицах терялись в догадках, что кроется за этим «неожиданным и очевидным проявлением

²⁷ The Spectator, July 28, 1939, p. 132–133.

²⁸ New York Times, July 24, 1939, p. 5, L+.

²⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS), Japan 1931–1941. Vol. II, p. 189–190.

американского отношения к японским притязаниям в Китае, и как оценивать возможные последствия»³⁰.

Шаг Вашингтона был неожиданным и для Англии, как сообщал японский посол в Лондоне Сигэмицу Мамору³¹. Но он заставил Крейги покончить с тактикой умиротворения. Буксовавшие несколько недель переговоры подошли к своему концу. 18 августа Крейги передал японской стороне меморандум, в котором крайне вежливо, но решительно заявлял, что вопрос о хранящихся в банках средствах Англия не может решать в одиночку и необходимо согласие третьих сторон. Привлечь к обсуждению всех участников вашингтонского Договора Девяти Держав от 6 февраля 1922 г. и получить их согласие как условие — звучало почти издевательски.

20 августа «Асахи» в редакционной статье писала о фактическом провале токийских переговоров. Решение США отменить действие торгового договора с Японией круто изменило тактику поведения английской делегации на токийских переговорах, отмечала газета. 21 августа под крупными заголовками она же сообщала о намерении МИД Японии полностью пересмотреть политику в отношении США, «отбросив прежнюю политику» дружественных отношений и выйти из Договора Девяти³².

Советско-германский договор о ненападении

Вера в способность противостоять не только Англии, но и США, не говоря уже о Советском Союзе, в значительной степени объяснялась уверенностью, что Японии на помощь придет структура германо-итальянского договора, к которому Токио до этого времени отказывался присоединиться, не желая портить отношения с Лондоном и Вашингтоном.

Сильное потрясение ждало Токио уже на следующий день, 22 августа, когда «Известия» и все мировые агентства сообщили о предстоящем визите в Москву Риббентропа и заключении германо-советского договора о ненападении³³. В этот же день, как доклады-

³⁰ New York Times, July 29, 1939, p. 14 +.

³¹ Нихон гайко: бунсё: Сё:васэн дзэнки токусю: Ниттю: сэнсo:, дай 4 сацу, 7. [Документы внешней политики Японии, Первый период войны эпохи Се:ва. Специальный выпуск: японо-китайская война. Книга 4, том 7]. С. 2588.

³² Асахи, 21 августа 1939 г. С. 2.

³³ Известия, 22 августа 1939 г.

вал в Москву Николай Генералов, все вечерние газеты в Токио под кричащими заголовками публиковали «ошеломляющую» новость. Он докладывал, что армия пока воздерживается излагать свою точку зрения, так как она еще не имеет официального сообщения о случившемся. Но и на следующий день военные предпочитали не комментировать, не решаясь на критику своего союзника, сторонником сближения с которым они были. А некоторые высокопоставленные сотрудники МИД даже хвалили германского канцлера за «мастерский шаг», позволивший ему одним ударом решить проблему Данцигского коридора, а заодно и Польши.

Но обида и гнев захлестнули скоро и официальный Токио. Кабинет министров Японии 23 августа заявил, что «Япония намерена и впредь придерживаться свободной и независимой внешней политики, в каком направлении ни развивались бы события в Европе», добавляя, что правительство прекращает проведение мер по усилению союза со странами участницами Антикоминтерновского пакта³⁴.

Символичной выглядела сцена, которую в тот день наблюдал Думан. Германский посол в Токио Ойген Отт в сопровождении итальянского коллеги неосмотрительно посетил один из токийских ресторанов, после чего два дня нигде не появлялся — огромный зал самого большого в городе заведения встретил его гробовой тишиной³⁵.

В прессе напротив бушевала буря — почти все японские газеты громко называли поведение Германии вероломством, превратившим Антикоминтерновский пакт в клочок бумаги. Больше всего досталось японскому МИД и правительству за то, что они «проморгали» крутой поворот в политике союзника.

О пережитом шоке, естественно, не было ни слова в советской печати, и только в своем дипломатическом дневнике Майский из Лондона признавался: «Наша политика явно делает какой-то крутой поворот, смысл и последствия которого мне пока еще не вполне ясны...»³⁶.

В обсуждении того, что следует предпринять Японии в принципиально новых геополитических условиях, преобладали две диаметрально противоположные точки зрения. Первая — последовать примеру Берлина и пойти на сближение с Москвой. Второй вариант — сближение с Англией и раздел с ним Китая. В первом случае — это было рав-

³⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. III, p. 55

³⁵ Foreign Relations of the United States (FRUS), 1939, Vol. III, p. 66

³⁶ Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 647.

носило признание своего поражения в Китае. Ситуации в Европе и на Дальнем Востоке были разные, как и интересы сторон. В Европе Гитлеру нужен был договор, чтобы решить задачу, о которой он не только говорил, но и кричал — Данцигский коридор и нейтрализация Англии и Франции. Переговоры с Москвой открыли более широкие возможности — раздел Польши и сфер влияния в Прибалтике. На какие подобные выгоды могла рассчитывать Япония в отношении Китая? Раздел его с Советским Союзом и лишение государственности было бы полной нелепицей. Второй вариант был также нелепым. Даже Чемберлен не клюнул бы на японскую версию Нового порядка в Восточной Азии. И, как писал в Москву оставшийся за главного в советском постпредстве Николай Генералов, — для Японии возникал заколдованный круг³⁷. Через считанные дни к обиде и злости от германского «вероломства» добавилась горечь полного поражения на монголо-маньчжурской границе в районе Халхин-Гола.

Заключение

Инцидент в Тяньцзине, каким бы относительно мелким он ни казался на фоне событий мировой политики весной–осенью 1939 г., — органичная часть истории кануна Второй мировой войны и будущих крупных событий: Тройственного пакта с Берлином и Римом год спустя, 27 сентября 1940 г., и Советско-японского договора о нейтралитете 13 апреля 1941 г., который с учетом произошедшего, помимо прочих причин, может показаться и ответом на «германское вероломство» в августе 1939 г.

References

- Bloch, L. B., Angoff, C. (1940). *The World Over in 1939*. New York: Harrison-Hilton Books, Incorporated.
- Furuya, K. (1981). *Chiang Kai-shek, His Life and Times*. New York: St. John's University.
- Watt, D. C. (1989). *How War Came: The Immediate Origins of the Second World War. 1938–1939*. New York: Pantheon books.
- Weinberg, G. L. (2010). *Hitler's Foreign Policy 1933–1939: The Road to World War II*. New York: Enigma Books.

³⁷ Документы внешней политики СССР, 1939 г. (январь–август). Москва, 1992. С. 626–628.